

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги
ДОНАТО
КАРРИЗИ

Потерянные девушки Рима
Охотник за тенью
Маэстро теней
Подсказчик
Теория зла
Игра Подсказчика
Девушка в лабиринте
Женщина с бумажными цветами
Девушка в тумане

Донатто
КАРРИЗИ

ЖЕНЩИНА
С БУМАЖНЫМИ
ЦВЕТАМИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Посвящается Даниэле Бернабо

*История, которую вы прочтете
на этих страницах, правда.
Все остальное — вымысел.*

1

В ту ночь, когда трансатлантический лайнер «Титаник», не завершив своего первого рейса, пошел ко дну, один из пассажиров спустился к себе в каюту первого класса, надел смокинг и вышел на палубу.

Вместо того чтобы попытаться спастись, он закурил сигару и стал дожидаться смерти.

Когда у выживших пассажиров спросили, кто был этот таинственный человек, все сошлись во мнении, что его звали Отто Фойерштайн, он был торговцем тканями, путешествовал один и это была деловая поездка.

Однако никому из них тогда не сообщили ту любопытную деталь, что на самом деле Отто Фойерштайн умер в Дрездене, в собственном доме, в своей постели. За два дня до крушения «Титаника».

Гигантский ледяной собор.

Якоб Руман разглядывал гору, укрывшись за стенкой траншеи. На этом вечном леднике хоронили мертвых. Скалы были слишком твердыми, чтобы долбить в них могилы. Но в этом была и положительная сторона: тела, погребенные во льду, могли сохраняться хоть миллионы лет.

Он останется молодым навсегда, промелькнуло у Якоба в голове, когда он ласковым движением закрывал глаза солдату, которому не удалось уйти от пули. Сколько ему? Восемнадцать, девятнадцать? Якоб Руман повернулся к тазику с водой и окунул испачканные кровью руки. Вот уже пару часов, как стрельба прекратилась. Сколько продлится затишье?

— Проклятый ледник, — проворчал он.

Он надеялся, что на холоде кровотечение у раненого остановится или хотя бы замед-

лится. Напрасно надеялся. Без лекарств, со старым, неполным комплектом хирургических инструментов он не смог спасти мальчика, и тот истек кровью. Да даже если бы и смог, что толку? Тех, кто выздоравливал, опять отправляли на передовую. Он ставил раненых на ноги, чтобы те снова шли кого-то убивать или сами попадали под пули. Хорошенькое дело! В конечном итоге выходило, что и он тоже работал на жалованье у матушки-смерти.

«Я словно клоун, которого Господь поставил в самой середине апокалипсиса», — говорил он себе.

Все, что творилось вокруг, не имело ни малейшей логики. На дворе стояла весна, а здесь она казалась зимой. Ее называли Мировой войной, но, по сути, дерьмо оно и есть дерьмо. Подающее надежды поколение австрийцев, лучшие сыны отечества дошли до этих гор, чтобы их разнесло в клочья во имя будущего, которого они, может, никогда и не узнают. Якоб Руман видел, какими прибывали сюда эти мальчики: в глазах светлые идеалы, в крови гормоны. А через неделю, проведенную в окопах, они уже выглядели испуганными и озлобленными стариками. Итальянцы по ту сторону фронта тоже были хороши: их, скверно экипированных, без военной подготовки,

вели вперед идеи воссоединения Италии. Сыновей толкала потребность соперничать с отцами, им хотелось выкроить себе роль в Истории. И им даже в голову не приходило, что после этой войны придет другая и История о них позабудет.

А он? Он-то что здесь делает? Этот вопрос он задавал себе все чаще и чаще.

Четырнадцатого апреля ему исполнилось тридцать два года, и он отдавал себе отчет, что самым вопиющим парадоксом является он сам. «Я просто какой-то оксюморон¹ ходячий», — часто повторял он себе.

Якоб Руман, военный врач.

Он все ждал, что среди этого всеобщего бреда среди измученных усталостью и страданиями людей найдется хоть кто-нибудь, пусть даже один, кто вылезет из окопа и крикнет, что все это просто-напросто глупость. Может, тогда чары разрушатся, все осознают собственное безумие и вернуться в свои города, к своим семьям.

Якобу Руману возвращаться было не к кому. Жена ушла от него к другому, сообщив об этом в коротком, в несколько строк, письме. Оно было написано восемь меся-

¹ *Оксюморон* — стилистическая фигура, состоящая в соединении двух противоречащих друг другу понятий, логически исключающих одно другое. — *Здесь и далее примеч. перев.*

цев назад, а получено на прошлой неделе. Он целых восемь месяцев верил, что его любят, и все это время страстно желал оказаться в постели в своей венской квартире. Чтобы увидеть в прихожей домашние тапочки, чтобы маятник часов дирижировал симфонией тишины, когда он уляжется с книгой. И если удастся пережить эту войну, то наградой будет не то, что он жив, а то, что сможет вернуться домой.

Среди горных вершин прогремел выстрел из гаубицы, установленной на доломитовом склоне, где засели итальянцы. Якоб Руман вздрогнул, очнувшись: передышка закончилась. Пройдет несколько секунд — их часть ответит на выстрел, и военная машина снова медленно придет в движение. Это была пристрелка перед грядущей бессонной ночью. Он где-то читал, что из-за постоянного напряжения солдаты не могут спать. И для них единственный способ уйти от реальности — это умереть.

Якоб Руман посмотрел на мальчика, который только что дышал под его руками. Он не желал знать имен своих раненых, они его не интересовали. Он их забывал, как забывал их лица и причины, по которым они уходили.

Он хранил о них другие сведения.

Порывшись в кармане, он вытащил черную записную книжку-календарь за 1916 год со страницами, запачканными кровью и ружейной смазкой. Пролистав ее до даты 14 апреля, он карандашом занес очередную запись в список, который заполнял почти всю страницу.

20.07. Простой солдат: «Кажется».

Едва он кончил писать, как за дверью раздался характерный стук ботинок сержанта. Тот наверняка явился, чтобы передать, что его вызывает майор.

— Доктор, пожалуйста, следуйте за мной, — начал он, даже не поздоровавшись. — Вы очень нужны.

— В самом деле? И кому же на этот раз я должен спасти жизнь? — спросил Якоб Руман, не без иронии покосившись на труп юноши.

Сержант ответил без малейшего сарказма:

— Неприятелю.

З

Майор принял его, повернувшись спиной: он брился. Ординарец держал перед ним осколок зеркала. Бедняга дрожал от холода, но старался не дергать руками, чтобы не рассердить старшего офицера.

Майор, стоя в одной рубашке и не обращая внимания на холод, подравнивал краешек острой бородки. Он велел разместить свои вещи в углу траншеи, где до недавнего времени обитал подполковник, которого неприятель взял в плен, устроив засаду. Там стояла раскладушка, печурка, а сверху был защитный настил из бревен.

Сержант и Якоб Руман остановились на пороге маленького узурпированного владения. Никто не осмеливался помешать туалету офицера, на данный момент бывшего самым старшим по званию.

Боясь окоченеть от излишнего служебного рвения, доктор решил больше не тянуть:
— Вызывали, господин майор?

Не оборачиваясь и не отводя бритвы от лица, старший по званию наконец заговорил:

— Доктор, вам известно, в чем состоит главное достоинство военного?

Якоб Руман с трудом удержался, чтобы в раздражении и гневе не поднять глаза к небу. Ну почему всякий раз, когда майор отдавал какой-нибудь приказ — пусть даже вынести парашу, — он предварял его коротким нравоучением? Он что, не мог сразу изложить суть дела? Или на войне ему время некуда девать?

— Нет, господин майор, я не знаю, в чем состоит главное достоинство военного.

Он прекрасно знал, что тот скажет: «Дисциплина».

И майор с удовлетворением изрек:

— Главное достоинство — это дисциплина.

«Ну да, вот именно», — сказал себе Якоб Руман.

— И от самих себя мы требуем прежде всего дисциплины. Иначе как сможет настоящий командир требовать ее от своих подчиненных? Именно поэтому я всегда появляюсь перед рядовым составом в наилучшем виде. Уход за собой — дело важное. Мои сапоги всегда должны сверкать, на

форме не должно быть ни пятнышка. И знаете почему?

Времени на ответ он собеседнику не дал:

— Потому что, если бы я, ссылаясь на обстоятельства, себя запустил, это сломало бы волю моих солдат.

— Вы являете собой прекрасный пример. Благодарю вас, господин майор.

Якоб Руман слишком поздно заметил, что в его голосе проскочила едва заметная нотка сарказма.

Майор в зеркале метнул на него недобрый взгляд. Тон его сразу стал строгим:

— Неприятель два дня назад преподавал нам жестокий урок.

Якоб Руман давно пришел к выводу, что эта война какая-то странная. На высокогорном фронте бои шли только весной и летом. Всю зиму они провели в траншеях, в изнурительном ожидании, удерживая отвоеванные позиции. Австрийцы контролировали вершины Доломитовых Альп, а итальянцы пытались ими завладеть и потому воевали со стратегическим преимуществом. Но неприятель не стал дожидаться смены времени года, чтобы возобновить военные действия; 12 апреля, в снежный буран, итальянцы неожиданно ринулись в смертоубийственную атаку, прорвав оборону австрийцев. Атака была невероятно

точно рассчитана, и солдаты тысячами хлынули на австрийские рубежи, намереваясь их смять.

— Мы потеряли солидную часть наших укреплений, — отчеканил майор, словно так было надо. — У нас остались только эти позиции. Последний оплот Австрии здесь, на Монте-Фумо, на Дым-горе.

Сия высокопарная речь была прелюдией к сути вопроса. И Якоб Руман очень быстро понял, зачем его позвали и что был за неприятель, которого, по словам сержанта, надо было спасти.

Он даже представить себе не мог, как с этой минуты изменится его собственная жизнь.